

АЛЕКСАНДР
БЛОК

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б70

Иллюстрация на переплете
Анны Рысухиной

Блок, Александр Александрович.
Б70 Стихотворения / Александр Блок. —
Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-186135-3

В книге избранных стихотворений великого поэта, ставшего основоположником символизма в русской литературе и одной из центральных фигур Серебряного века, читатель найдет произведения разных периодов творчества Александра Блока: благоговейные гимны в честь несравненной Дамы, пронзительные стихотворения о России, стихотворения из знаменитых поэтических циклов. Книга будет интересна не только любителям поэзии, но и тем, кто только начинает знакомство с ярчайшими представителями русской литературы XX века.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Шубинский В.И.,
вступительное слово, 2024
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-186135-3

ЧЕЛОВЕК, НАЗЫВАЮЩИЙ ВСЕ ПО ИМЕНИ

Литературная судьба Александра Блока была, на первый взгляд, на редкость благополучна. Он был признан с первой же книги, к тридцати годам считался первым поэтом эпохи, известным далеко за пределами литературной среды. После смерти поэта (увы, ранней) его слава никогда не подвергалась сомнению (если не считать отдельных случаев личного неприятия блоковской поэтики, как, например, у Иосифа Бродского), его стихи не запрещались и включались в школьную программу. Другое дело, способствовало ли такое благополучие пониманию поэзии Блока, не вело ли оно временами к автоматизации восприятия, к выпадению поэзии Блока из сферы «актуального».

Между тем значение Блока огромно — и не только потому, что он написал десятки лирических шедевров. Блок — своего рода связующее звено между двумя великими эпохами русской поэзии, между романтизмом и модернизмом.

Александр Александрович Блок родился 16 (28) сентября 1880 года в ректорской квартире Санкт-Петербургского университета. Ректором был его дед,

выдающийся ботаник Андрей Николаевич Бекетов (брат еще более выдающегося химика Николая Николаевича Бекетова). Мать Блока, Александра Андреевна (во втором браке Кублицкая-Пиоттух, 1860—1923) была плодотворной переводчицей, писательницами были и ее сестры, Екатерина и Мария. Отец поэта, Александр Львович Блок (1852—1909), юрист-теоретик, человек неуравновешенный, очень тяжело характера, позднее был профессором Варшавского университета. Брак родителей Блока распался вскоре после рождения сына и был официально расторгнут в 1889 году.

Бекетовы придерживались либеральных взглядов, характерных для интеллигенции, особенно для представителей естественных наук. Напротив, А. Л. Блок, пройдя сложную эволюцию, стал под конец жизни крайним консерватором, черносотенцем. У поэта Блока были непростые и изменчивые отношения и с интеллигентской либеральной традицией и выросшим из нее левым радикализмом, и с противостоящим тому и другому духовным консерватизмом.

Впрочем, отец в воспитании Александра принимал мало участия. С отчимом, офицером, позднее генералом Францем Феликсовичем Кублицким-Пиоттухом, у него сложились отношения добрые и уважительные, но не более того. Зато с матерью он был очень близок, и именно она была первой читательницей его отроческих стихов. Писал он с пяти лет, издавал вместе с двоюродными братьями рукописный

журнал «Вестник». И все же тогда, в 1890-е годы, Блок связывал свое будущее не с литературой, а с театром, мечтал стать актером и «умереть на сцене во время спектакля». Любительские спектакли в Шахматово, подмосковном имении Бекетовых, сблизили Блока с Любовью Дмитриевной Менделеевой, дочерью великого химика. В 1903 году она стала его женой, а до этого в течение нескольких лет была адресатом его любовной лирики. Эти стихи, создававшиеся начиная с 1898 года и составившие первую книгу Блока, «Стихи о Прекрасной Даме» (1904), требуют особого и сложного комментария: без понимания духовного контекста эпохи они до конца не понятны.

С начала 1890-х русское общество, особенно молодежь, ощущало воздействие разнородных духовных течений, которые условно назывались «декадансом», упадком — ибо так они выглядели в глазах позитивистски настроенной публики, как консервативной, так и либеральной. С 1894 года все большие с каждым годом позиции захватывает новая литературная школа — символизм. Для так называемых «старших» символистов (Брюсова, Бальмонта, Сологуба) новая школа была прежде всего комплексом приемов, позволявших передавать скрытые, неуловимые ощущения и впечатления, а «новое сознание» — путем к ничем не ограниченной и не скованной самореализации. Но для поэтов, дебютировавших около 1900 года, символы были средством постижения иного, скрытого от глаз, таинственного, мистического

мира. На Блока и его друзей (в том числе московского поэта и прозаика Андрея Белого, с которым он сблизился в 1903–1904 годы) огромное влияние оказала философия (а также поэзия) Владимира Соловьева (1853–1900). В мире этой философии огромное значение занимает образ Софии, Вечной Женственности — особого космического проявления божественной силы и мудрости. Для Блока и его окружения воплощением Вечной Женственности стала Любовь Менделеева. Юношеская влюбленность в нее Блока отождествлялась с поклонением этой сущности. При этом реальная Люба Менделеева, совершенно земная, жизнерадостная девушка, чуждая всякой спиритуальности, меньше всего годилась на эту роль. Неудивительно, что ее брак с Блоком (в котором почти отсутствовала сексуальная составляющая) трудно было назвать удачным в житейском смысле. Тем не менее он продолжался до конца жизни поэта; мистическое поклонение сменила глубокая и обоюдная человеческая привязанность. Блок готов был любить и воспитывать родившегося в 1909 году сына своей жены (биологическим отцом которого был не он) и трагически переживал его смерть в младенчестве. При том у поэта были многочисленные и разнообразные отношения с другими женщинами.

Переходя к стихам, мы сразу замечаем эту двойственность. Действие многих стихотворений происходит в двух измерениях. Например, в знаменитом «Вхожу я в темные храмы...» описываются свидания

Блока с Менделеевой в Казанском соборе, но в то же время это описание мистического служения Прекрасной Даме. Вот другой пример — «Мы встречались с тобой на закате...» (написанное, как и предыдущее, в 1902 году):

Были странны безмолвные встречи.
Впереди — на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, стораний
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Речь идет о вечерней лодочной прогулке вдвоем, но эта прогулка происходит в каком-то разреженном, мистическом мире, в котором люди и предметы обретают загадочные символические значения. (Что, к примеру, означают мысли «о бледной красе»? «Ты» — всегда и земная возлюбленная, и раскрывающийся в ней огромный и таинственный образ, и сам поэт признается: «..Страшно мне — изменишь облик ты». Житейских реалий и чувственно осязаемых описаний почти нет, но очень много расплывчатых, абстрактных слов и понятий («свет», «тьма», «сумрак», «лучезарность», «туманность»). И только исключительная интенсивность лирического переживания и тончайшее, изначально присущее Блоку чувство интонации заставляет этот хрупкий мир дышать:

Если бы злое несли облака,
Сердце мое не дрожало бы...
Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Слезы. И песни. И жалобы.

В конце жизни Блок признавался Владиславу Ходасевичу, что и сам перестал понимать тайнопись своих ранних стихов, забыл те сложные оттенки мистических переживаний, которые вкладывал в каждое из них. Тем более трудно распознать их нам. И все же стихи не утратили своего обаяния. Хотя, конечно, не надо забывать про особенности поэтической техники Блока. Чтобы создать шедевр, ему надо было написать десять, а то и больше стихотворений средних достоинств. Блок (и в особенности ранний Блок) нуждается в отборе, но этот отбор история литературы в целом уже произвела.

Поначалу Блок не испытывал особого стремления к публикации своих стихов. В 1898–1906 годы он учился в Санкт-Петербургском университете, сперва на юридическом, потом историко-филологическом отделении; диплом он получил (в отличие от многих поэтов-современников), но ни для чего практического этот диплом ему не понадобился. Одна из первых публикаций поэта состоялась в 1903-м в студенческом «Литературно-художественном сборнике». В том же году подборки стихотворений Блока появились в журналах «Новый путь» и «Северные цветы». О нем заговорили — сперва лишь как о подающем надежды поэте символистского лагеря. Все изменила первая кни-

га. Вокруг «певца прекрасной дамы» возникла легенда. Началась слава. В 1909 году Иннокентий Анненский писал: «Чемпион наших молодых — несомненно, Александр Блок». Впрочем, к тому времени с выхода «Стихов о Прекрасной Даме» прошло пять лет. Блок был уже другим поэтом, да и другим человеком.

Уже в стихах 1903–1904 годов, еще вошедших в «Стихи о Прекрасной Даме», поэтика и оптика резко меняется. Место зыбких и мягких образов-теней занимают образы странные, гротескные, порожденные городским, урбанистическим миром. Турманные преддверия рая оборачиваются маленьким адом.

По городу бегал черный человек.
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.

Медленный, белый подходил рассвет,
Вместе с человеком взбирался на лестницу.

Там, где были тихие, мягкие тени —
Желтые полосы вечерних фонарей, —

Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались в занавески, в щели дверей.

Ах, какой бледный город на заре!
Черный человечек плачет на дворе.

Здесь — опять все то же символистское двоемирие. Фонарищик оборачивается одним из населяющих город загадочных «карликов», рутинная жизнь фа-

бричного района (неподалеку от которого, на Петроградской набережной и на Лахтинской улице, жил поэт в те годы) приобретает inferнальный оттенок.

В еще большей степени это вторжение реальности со всеми ее спорящими между собой стихийными силами происходит в более поздних стихах, вошедших в зрелые книги Блока — «Нечаянная радость» (1907), «Снежная маска» (1907), «Земля в снегу» (1908), «Ночные часы» (1911), «Стихи о России» (1915), «Ямбы» (1919), «Седое утро» (1920). Эти книги легли в основу трехтомного собрания стихотворений (четвертый том включал драматические сочинения), первым изданием вышедшего в 1916 году. При этом «Стихи о Прекрасной Даме» составили первый том. Второй том — это стихи 1904–1907-го, в которых Блок с особенной безоглядностью отдает себя стихиям — как гармоническим, так и разрушительным. Особенно характерен в этом отношении цикл «Снежная маска» (1906–1907), вдохновленный романом с актрисой Надеждой Волоховой. Погружение в мир страсти здесь — поглощение снежным вихрем, гибельной бурей, растворяющей волю.

И опять, опять снега
Замели следы...

Над пустыней снежных мест
Дремлют две звезды.

И поют, поют рога.
Над парами злой воды

Вьюга строит белый крест,
Рассыпает снежный крест,
Одинокий смерч.

И вдали, вдали, вдали,
Между небом и землей
Веселится смерть.

С другой стороны, в эти же годы созданы такие прославленные шедевры, как «Девушка пела в церковном хоре...», «В голубой далекой спальне...», «Незнакомка», ставшая «визитной карточкой» Блока в истории литературы, «В октябре», «Балаганчик», «О, весна без конца и без края...». Блок в этих стихах и страшен, и чарующ, и — иногда — обескураживающе прост и прозрачен. Мир пронизан символами и иномирными соблазнами, и в то же время это очень конкретный мир темных кабачков Каменноостровского проспекта (завсегдаем которых стал поэт в те годы) и убогих петербургских мебелишек.

Все, все по старому, бывалому,
И будет как всегда:
Лошадке и мальчишке малому
Не сладки холода.

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

А все хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более
С тех пор, как запил я!

Уже в «Стихах о Прекрасной Даме» видна связь с романтической традицией. Символизм противопоставлял себя не только бескрылому позитивизму второй половины XIX века, но и выродившемуся, сведшемуся к слащавым клише позднему романтизму. В то же время в творчестве некоторых символистов и вообще ранних модернистов (и здесь, наряду с Блоком, можно вспомнить великого ирландца У.Б. Йейтса) высокая романтическая нота получила второе дыхание. Ранний Блок связан с немецкой романтической традицией, с такими поэтами, как, к примеру, Новалис. Эта традиция воспринята и непосредственно, и через Жуковского, раннего Тютчева, того же Соловьева. В то же время тонкий эмоциональный импрессионизм Блока идет от Фета, у зрелого Блока чувствуются ноты более «расхожие», в русской поэзии лежащие практически на поверхности — ноты Байрона, Гейне, Лермонтова, наконец, прямые отголоски «жестокое», цыганского романса. Всему этому поэт придает новый модус, интегрирует в более сложную и трагическую модернистскую картину мира. При этом он с большим уважением отзывается о Полонском, пишет предисловие к посмертному собранию стихотворений другого «последнего ро-

мантика» — Аполлона Григорьева. Для Блока это прорыв к живой, подлинной жизни, глубинной русской жизни, далекой от сухой и сковывающей человека интеллигентской идейности. В своем стремлении к этой эмоциональной подлинности Блок не боится банальности, он сознательно скользит по ее грани, рассчитывая лишь на свое природное чувство интонации — и одерживает победу:

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

В стихах третьего тома (1907–1916) особенно видны полюса поэзии Блока. С одной стороны — напряженная и пышная романтическая драма (вспомнить хотя бы великолепный ритм «Шагов Командора»), с другой — осознание реальности во всей ее простоте и безнадежности:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Для осознания диапазона зрелой блоковской лирики стоит сравнить между собой его любовные стихи 1910-х. Вот — вершина романтического напряжения, пик тревожной страсти:

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце — страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Сравним стихотворение «Седое утро» (1913). Здесь речь идет о «прозаическом» прощании («... и взгляд — как уголь под золой, и голос — утренний и скучный») — и лишь под конец появляется неожиданная лирическая нота:

Я молча на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться боле.
Что ж на прощанье ей скажу?..
«Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,
Ночь огневая, ночь былая...

Ты, время, память притуши,
А путь снежком заporоши».

Еще удивительнее впечатление, которое производит сравнение страстного, романтического цикла «Кармен» (1914–1915), посвященного актрисе Л.А. Дельмас, и прощальных стихов, обращенных к ней же:

Превратила все в шутку сначала,
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.

И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно все позабыв.
Вдруг припомнила все — зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.

Мандельштам, сравнивая Блока с другими символистами, писал: «Это живая ртуть, у него и тепло и холодно, а там всегда жарко». В своем обращении к по видимости обыденному и будничному, побудничному трагичному (которое остается тревожным и тревожащим, сквозь которое проступают иные миры) Блок подхватывает эстафету еще одного поэта — Николая Некрасова.

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели...

... Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогающая..
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Так Блок подводит итог всем традициям русской поэзии предшествующих поколений, в каком-то смысле закрывает их и берет из них то, что необходимо для будущего.

Блоку в зрелые годы чужда была и символистская концепция поэта-мага, живущего только исключительными «мигами» и свободного от человеческих обязательств. Но выдвинутая акмеистами концепция поэта-мастера его не привлекает. Поэт у Блока — тайновидец, его творческая работа — что угодно, но не «ремесло», но в то же время он человек, несущий обычный человеческий крест. Он трубадур Гаэтан из пьесы «Роза и крест», и в то же время «рыцарь-несчастье Бертран» из той же пьесы. Он герой пьесы «Незнакомка», посетитель прозаического кабачка и еще более прозаической буржуазной гостиной, тщетно устремленный за загадочной возлюбленной-звездой. Его избранничество сродни проклятью:

... Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,

Человек, называющий все по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Что Блоку было враждебно всегда — это дух буржуазного благополучия и интеллектуального самодовольства или то, что ему таковым казалось. Это обусловило его позицию в политических треволнениях его времени. В начале революции 1905 года он сочувствует либеральным центристам — кадетам, затем эволюционирует влево. О его позиции свидетельствует его письмо В. Розанову от 17 февраля 1909 года: «Не мальчишество, не ребячливость, не декадентский демонизм, но моя кровь говорит мне, что смертная казнь и всякое уничтожение и унижение личности — дело страшное, и потому я (это — непосредственный вывод, заметьте, тут ни одной посылки для меня не пропущено) не желаю встречаться с Пуришкевичем или Меньшиковым, мне неловко говорить и нечего делать со сколько-нибудь важным чиновником или военным, я не пойду к пасхальной заутрене к Исакию, потому что не могу различить, что блестит: солдатская каска или икона, что болтается — жандармская эпитахия или поповская ногайка. Все это мне по крови отвратительно». В ответ на замечание корреспондента, что именно революционный террор развязал цепную реакцию насилия, Блок отвечает еще резче: «Так сильно озлобление (коллективное) и так чудовищно неравенство положений — что я действительно не осужу террора сейчас... Как осужу я террор, когда вижу ясно, как при свете огромного тропического солнца, что:

1) революционеры, о которых стоит говорить (а таких — десятки), убивают, как истинные герои, с сиянием мученической правды на лице (прочтите, например, 7-ю книжку «Былого», недавно вышедшую за границей, — о Каляеве), без малейшей корысти, без малейшей надежды на спасение от пыток, каторги и казни, 2) что правительство, старчески пожевывая, равнодушным манием жирных пальцев, чавкая азефовскими губами, посылает своих несчастных агентов, ни в чем не повинных и падающих в обморок офицеров, не могущих, как нервная барышня... из Медицинского института, видеть крови, бледнеющих солдат и геморроидальных «чинов гражданского ведомства» — посылает «расстрелять», «повесить», «присутствовать при исполнении смертного приговора»».

В то же время в окружении Блока были и люди крайне правых взглядов (брат его жены, Иван Менделеев, да и тот же Розанов, при всей противоречивости его позиции). Блока сближала с ними идея «особого пути» России. Вслед за Владимиром Соловьевым он верил в «желтую опасность», в потенциальную агрессию Азии; от славянофильской традиции унаследовал неприязнь к «плоской» западной модели. Русская жизнь для него таила загадочные и нереализованные возможности, хотя он отлично знал цену многим ее проявлениям (вспомним беспощадное и в то же время полное любви стихотворение — «Грешить бесстыдно, непробудно...»). Не чужд он был (мягко говоря) и антисемитизма (который он